

ЕВГЕНИЙ АНПИЛОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СЕКТОР "МИНУС ДВА"

Прорыв Периметра

Евгений Анпилогов

**Сектор «Минус два».
Прорыв периметра. Книга 3**

«Автор»

2026

Анпилогов Е.

Сектор «Минус два». Прорыв периметра. Книга 3 /
Е. Анпилогов — «Автор», 2026

Аномальный хаос Сектора «Минус Два» позади, но на Большой Земле для Кирилла «Культа» Андреева начинается настоящая война. В его ранце спрятан «Очаг Жизни» — Сердце Зоны, способное спасти его умирающую дочь Алинку. Но синдикат не отпустит добычу стоимостью в \$50 миллионов. Полковник Громов по кличке Ворон запускает план перехвата: Интерпол объявляет Культу террористом, а штурмовые группы и вертолеты получают приказ ликвидировать цель на месте. В Серой Зоне приграничья Культу придется сбросить комбинезон, маскируясь под путейца. Пробиваясь сквозь заснеженные Пряжевские торфоразработки и аномалии вроде «Гнилого Корня», сапер выстраивает новую подпольную экономику. Его главным аргументом в ближнем бою становится бесшумный АС «Вал» с оптикой ПСО-1-1 и бронебойными патронами СП-6, способными шить элитную броню БР-5. На него охотятся спецслужбы и выжившие фанатики «Савана» во главе с Монахом. Но холодная ярость отца и саперный расчет сильнее военной машины. Коростенский аэродром ждет.

© Анпилогов Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: ИНВЕРСИЯ ПЕРИМЕТРА	5
ГЛАВА 2: КОНТРАБАНДНЫЙ ЦЕНЗ	8
ГЛАВА 3: РЖАВОЕ БОЛОТО	11
ГЛАВА 4: ХУТОР «ТРИ СОСНЫ»	13
ГЛАВА 5: СЛЕПОЙ СЕКТОР	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Евгений Анпилогов

Сектор «Минус два».

Прорыв периметра. Книга 3

ГЛАВА 1: ИНВЕРСИЯ ПЕРИМЕТРА

Серый рассвет Большой Земли не принес тепла. Мелкая, холодная изморось, пропитавшая воздух приграничного района, оседала на обугленном кевларе левого плеча комбинезона «Контур-М4» мелкими, маслянистыми каплями. Кирилл «Культ» Андреев шел вдоль полотна железной дороги, глубоко вбивая тяжелые подошвы армейских ботинок в мокрую гранитную щебенку насыпи. Позади него, скрытая густыми полосами тумана, осталась колючая проволока Периметра Сектора «Минус Два» в три ряда, опутанная датчиками давления и сигнальными минами. Он прорвал этот рубеж через старую дренажную трубу ПВО, запечатав за собой титановый затвор пулеметным огнем. Но радоваться тактическому успеху было некогда.

Кирилл замер у ржавого семафора, опустив маску «ППМ-88» на грудь. Клапаны противогаза, забитые серой известковой гарью Сектора «Ноль», испустили последний, поршневой вздох. Воздух Большой Земли — чистый, пахнувший мокрой хвоей и прелой осенней травой — показался ему неестественно безвкусным, лишенным того привычного, приторно-сладковатого привкуса озона, к которому его легкие привыкли за две недели ликвидации под землей.

Правая рука Кирилла лежала на цевье короткого СР-2МП «Вереск». Пистолет-пулемет висел под левым локтем на штурмовом подвесе, а за спиной, больно врезаясь стволом в лопатку, покоился пустой пулемет «Печенег» Глеба Костромина. Изношенное оружие Сектора было его единственным контуром обороны. В боковом кармане ранца, прямо у самого сердца, ровным золотисто-багровым светом пульсировал контейнер с «Очагом Жизни». Свинцовая ткань Одинцова пока сдерживала излучение, но Кирилл знал: физика артефакта вне аномальной зоны меняется, и если не найти чистый контейнер «Карантин», через двенадцать часов он сам начнет светиться в темноте от лучевой болезни.

Вдруг на его тактическом предплечье, где был закреплен тяжелый синий планшет «Черного Креста», забранный со стола Миллера, сработал вибросигнал.

Экран прибора, синхронизированный со спутниковой сетью связи общего назначения Большой Земли, мигнул ярким, неновым тактическим синим светом. Строчки глобального оповещения Интерпола легли на дисплей ровными печатными буквами. Кирилл прильнул к экрану, сжав зубы до хруста в челюсти. Его досье было открыто на весь мир. Синдикат задействовал международный карательный контур. Приказ: *«Живым не брать. Ликвидация на месте. Вознаграждение за обнаружение — 5 000 000 долларов»*. Его вексель на три миллиона и документы на спасение одиннадцатилетней Алинки, лежавшие во внутреннем кармане куртки, превратились в тактическую наживку. Любой патруль пограничных войск или полиции Большой Земли теперь видел в нем не отца, спасающего ребенка, а эко-террориста высшей категории опасности.

Не успел Кирилл выключить планшет, как туман над его головой разорвал чудовищный, свистящий гул. Звук шел с неба — тяжелый, плотный, прерывистый рокот винтов, от которого пожухлая трава на насыпи мгновенно прижалась к земле.

Из серой пелены тумана, прорезая изморось мощными лучами поисковых прожекторов, выросли силуэты трех штурмовых вертолетов «Ми-24П» без опознавательных знаков. Тяжелые машины службы безопасности синдиката шли на бреющем полете, всего в двадцати метрах над верхушками сосен. Их лазерные целеуказатели систем наведения выдали три тонкие,

кроваво-красные нити, которые начали хаотично ходить по шпалам, стремительно приближаясь к позиции Кирилла.

— С..ка, пеленг поймали, — процедил Кирилл сквозь зубы. Мат прозвучал глухо в тишине рассвета.

Синдикат не тратил время на тактическую разведку — они запеленговали высокочастотный импульс планшета Миллера в момент его подключения к гражданской сети.

Кирилл рванулся с насыпи боком, кувырком скатываясь в глубокую дренажную канаву, заваленную обрубками старых рельсов и полусгнившими шпалами. Его обугленный комбинезон «Контур-М4» глухо стукнул о щебень, кевларовые накладки на локтях приняли на себя удар. Он вжался спиной в ржавое основание старого стрелочного перевода, намертво перекрыв тепловой контур своего тела массивным железным листом.

Над его головой воздух буквально взорвался. Ведущий вертолет синдиката, уловив движение в канаве, открыл огонь на подавление. Спаренная автоматическая пушка ГШ-30-2 калибра 30 мм выдала короткую, расчетливую очередь в пять снарядов. Оглушительный грохот разорвал тишину приграничного леса. Тяжелые тридцатимиллиметровые снаряды с визгом начали крошить гранитную щебенку насыпи в паре метров от Кирилла. Земля ухнула вниз, во все стороны полетели фонтаны каменной крошки, осколки рельсов и куски истлевших шпал. Деревянный столб семафора срезало под корень, и он с тяжелым скрежетом рухнул поперек путей, перегородив тактический коридор отхода.

«Оня работают на поражение, — Кирилл хладнокровно считал секунды между заходами вертолетов, прижав голову к мокрому грунту канавы. — Лобовая броня этих вертушек держит калибр 12.7 мм, мой пустой "Печенег" против них — просто кусок железа, а "Вереск" эффективен только по живой силе в упор. Саперное правило номер три: если противник превосходит тебя по массе и огневой мощи — меняй геометрию боя, уходи под землю или в слепые зоны».

— Слышь, Борман! Я «Волк-1», — донеслось из динамика рации на шлеме Кирилла, которая случайно поймала отголосок ближней частоты пилотов. — В канаве пусто. Объект ушел под насыпь. Заливай правый квадрат термитными зарядами, не дай ему забиться в дренаж!

Кирилл осторожно повернул голову назад. Метрах в десяти от стрелочного перевода, прямо под насыпью железной дороги, зиял круглый оголовок старой бетонной водопропускной трубы, проложенной под путями для отвода весенних паводков. Диаметр трубы — не более семидесяти сантиметров. Узкий, грязный лаз, заполненный наполовину опавшими листьями и гнилой водой, но вертолетные пушки туда достать не могли.

Выждав момент, когда ведущая вертушка синдиката заложила крутой вираж для второго захода, Кирилл резко крутанулся на живот. По-пластунски, толкая перед собой рюкзак и автомат, он преодолел эти десять метров открытого пространства. Сверху над его спиной со свистом пронеслась вторая очередь тридцатимиллиметровых снарядов, превратив остатки стрелочного перевода в кипящее месиво из жидкого металла и щебня.

Кирилл буквально ввинтился корпусом в узкое бетонное чрево водопропускной трубы.

Внутри было темно, сыро и пахло гнилым деревом. Вода доходила ему до груди, обжигая холодом через поврежденные кевларовые элементы «Контура». Но саперная логика подтверждала правоту его маневра: тридцатиметровый бетонный туннель под насыпью обеспечивал стопроцентную защиту от воздушного обстрела. Вертолеты синдиката продолжали кружить над железной дорогой, их прожекторы шарили по канавам, а пулеметные очереди глухо, раскатисто ухали по верхней кромке насыпи, но достать Культа они больше не могли. Они ослепли.

Кирилл продвигался по трубе медленно, перебирая руками по склизким бетонным кольцам и толкая перед собой ранец с «Очагом Жизни». Его инженерный мозг уже перестраивал всю экономику бегов на Большой Земле, выстраивая новые фишки на этой смертельной шахматной доске.

Планшет «Черного Креста» на его предплечье продолжал слабо пульсировать синим светом. Кирилл аккуратно, стараясь не шуметь водой, открыл журнал тактической переписки Интерпола. Полковник Громов по кликухе «Ворон» — руководитель карательной операции синдиката во внешнем мире — уже выставлял тяжелые заслоны по всему периметру железнодорожной ветки. Патрульные машины блокировали проезды, а на проселочных дорогах разворачивались мобильные блокпосты с тепловизорами.

— Ну давай, Ворон, побегай за сапером, — тихо процедил Кирилл через силу, сплюнув мутную воду. — Твои вертолеты контролируют небо, но они не знают, что под этой насыпью есть лаз, построенный еще в советские годы. И этот лаз выведет меня прямо к полустанку Степаныча. Мне нужны чистые гражданские шмотки, нормальный нож и патроны, которые не звенят наводкой Зоны.

Он вогнал свежий магазин в приемник «Вереска», проверил фиксацию глушителя ГЗВ-СР2. Пистолет-пулемет после водяного удара остался жестким, его полимерная рамка работала без сбоев. Первая глава его нового вольного Прорыва на Большой Земле была открыта. Кирилл «Култ» Андреев сделал свой первый шаг за линию Периметра, оставив позади аномальный ад Сектора «Минус Два», но впереди его ждала большая, технологическая война со всем миром за жизнь его одиннадцатилетней дочери. И этот бой он собирался выиграть по своим, саперным правилам.

ГЛАВА 2: КОНТРАБАНДНЫЙ ЦЕНЗ

Водопропускная бетонная труба закончилась ржавой железной решеткой, наполовину выбитой весенним паводком. Кирилл «Культ» Андреев аккуратно высунул ствол «Вереска» наружу, прошупывая взглядом серые заросли мокрого ивняка. Вертолеты синдиката «Ми-24П» ушли левее — их тяжелый, прерывистый рокот винтов теперь доносился километрах в двух к северу, где они продолжали слепо заливать свинцом дренажные канавы Свалки. Полковник Громов («Ворон») стягивал свои штурмовые группы к болотам, полностью упустив тактический маневр сапера.

Кирилл вылез из трубы, тяжело дыша и отплевываясь от грязной, пахнущей кабельным гидроном воды. Комбинезон «Контур-М4» на левом плече, заклеенный армированным скотчем Одинцова, промок насквозь — холодная приграничная влага Большой Земли мгновенно заставила его мышцы занеметь.

Он поднялся по насыпи и наконец вышел на поверхность — в ту самую «Серую Зону», где мирная жизнь Большой Земли медленно и уродливо переплавлялась под дыханием недалекого Объекта Четырнадцать.

Перед ним открылась панорама заброшенного железнодорожного полустанка «Платформа 42». Старый деревянный вокзал с провалившейся крышей наполовину зарос мутировавшим малинником — его стебли были неестественно толстыми, а редкие осенние ягоды светились в тумане слабым, фосфорическим изумрудным светом. Чуть дальше, за путями, начинались огороды поселка «Кордон-2». Обычные деревенские избы из потемневшего от сырости бревна выглядели зловеще: окна большинства из них были наглухо заколочены досками, а заборы укреплены кусками ржавой колючей проволоки, снятой с армейских складов.

По воздуху над путями лениво, словно рваные куски грязной ваты, ползли тяжелые оранжевые полосы. «Ржавый Туман». Химическая аномалия Большой Земли. Кирилл инстинктивно проверил затвор своего автомата АК-74Н — металл рамы уже покрылся тонкой, липкой пленкой налета. Если не уйти из этой низины в ближайшие полчаса, механику заклинит без всяких пространственных сдвигов Сектора «Ноль».

— Эй, ходок! Ствол опусти, б..я, не на войне, — из-за угла разрушенной водонапорной башни раздался спокойный, хриплый голос.

Кирилл мгновенно вскинул «Вереск», поймав в коллиматор силуэт человека, сидевшего на перевернутом деревянном ящике из-под овощей.

Это был Степаныч — местный железнодорожный обходчик, высокий, сухопарый старик лет шестидесяти пяти в засаленной стрелочной шинели поверх грязного свитера. На его ногах были тяжелые кирзовые сапоги, а на коленях небрежно лежало старое советское двухствольное ружье ИЖ-58 двенадцатого калибра. Старик меланхолично курил самокрутку из козьей ножки, и едкий махорочный дым немного разгонял оранжевые хлопья «Ржавого Тумана» вокруг его седой головы. На его тактическом поясе висел старый армейский дозиметр «ДП-5», который лениво, прерывисто щелкал — фон на полустанке держался в пределах нормы.

— Свой, Степаныч, — Кирилл плавно опустил пистолет-пулемет на подвес, но пальцы с рукоятки не снял. — Шел со стороны ПВО через трубу. Вертушки синдиката ушли на болота, но скоро их дозоры нагрянут сюда проверять переезды. Мне нужны гражданские шмотки и чистый контур.

Старик затаился, лениво сплюнув в рыжую траву насыпи. Его единственный целый глаз — левый был затаен блеклой бельмовой пленкой от старого термического ожога — внимательно осмотрел обугленный кевлар Кирилла, тяжелый «Печенег» за его спиной и две стальные пулеметные коробки.

— О как... Сапер объявился, про которого «Ворон» по всем частотам Интерпола уже час орет, — Степаныч хмыкнул, приподнимая стволы двухстволки. — Пять миллионов за твою башку дают, Культ. Чистыми баксами на Большой Земле. Любой копатель на Кордоне-2 за такие деньги тебя прямо у этого костра из огнемета сожжет и пепел ученым продаст. Да и комбез твой... Звенит, небось, как церковный колокол после Центра?

— Комбез держит фон, Степаныч. А вот это — тебе за бдительность, — Кирилл залез в тактический карман разгрузки и выложил на деревянный ящик перед стариком тяжелый, вороненый автоматический пистолет Стечкина с титановыми накладками — личный трофей Сивого. В комплекте к нему шли три полных магазина патронов 9x18 мм. — Прохор на Кордоне за него триста жетонов давал. На Большой Земле черные копатели за такой ствол тебе ящик чистой тушенки и цинк семерок выкатят. Давай менять экономику, дед. Мне нужен старый ватник, гражданские штаны, мешок для пулемета и проводка к Старика Затвору. Без обмана.

Глаз Степаныча хищно блеснул при виде АПС. Он аккуратно, правой рукой взял пистолет, передернул затворную раму — металл лязгнул мягко, смазанный качественным советским солидолом Сивого. Старик удовлетворенно кивнул, пряча раритетное оружие во внутренний карман своей шинели.

— Ладно, Культ. Саперы — народ дефицитный, да и фон Штольц тебе, говорят, знатно задолжал в его бункере, туда старику и дорога. Пошли в погреб, у меня там как раз завалился комплект старой спецовки путейца — синяя куртка плотная, штаны брезентовые, свинцовую пыль не пропускают. И мешок холщовый дам, спрячешь свой «Печенег», а то с такой дурой тебя первый же патруль пограничников с беспилотника срежет.

Они спустились в просторный, сухой подвал под зданием вокзала. Здесь Степаныч обустроил подобие перевалочной базы: на стеллажах стояли банки с консервированными огурцами, мешки с сухарями, ящики со старыми патронами двенадцатого калибра и аккумуляторы для радиостанций. Под потолком тускло горела одна автомобильная лампа, запитанная от генератора.

Кирилл быстро сбросил обгорелый комбинезон «Контур-М4», оставшись в термобелье. Натянул брезентовые штаны путейца и тяжелую синюю куртку со светоотражающими полосами — идеальная маскировка для Серой Зоны, где каждый второй копатель одевался в рабочую спецовку, чтобы не привлекать внимания Интерпола. «Вереск» он аккуратно закрепил под курткой на оперативном подвесе, а пулемет Костромина вместе с коробками патронов Б-32 плотно замотал в холщовый мешок, обвязав капроновым шнуром. Сверху на ранец он натянул грязный чехол от брезентового тента. Теперь со стороны он выглядел как обычный работника-контрактник, возвращающийся с ночной смены на узловой станции.

— Слышь, Культ... — Степаныч протянул ему алюминиевую кружку с горячим, крепким цикорием, от которого пахло жженым хлебом. — Пока ты переодевался, мой приемник поймал частоту «Ворона». Капитан Миллер, конечно, двухсотый, но его планшет, который ты прешь в ранце, выдает твой пеленг каждые пятнадцать минут по спутнику. Старик Затвор сейчас сидит на хуторе «Три Сосны» — это за Кордоном-2, у старого элеватора. Майор может перепрошить платы и сделать тебе чистый паспорт с проводкой через Интерпол. Но тебе придется пройти через «Ржавое Болото». Там патрулей наемников нет, потому что место считается гиблым.

— Почему гиблым? — Кирилл сделал глоток горячей жидкости, ощущая, как тепло постепенно возвращается в его замерзшие мышцы.

— Там после Прорыва 2018 года материализовалась новая дрянь. Копатели зовут ее «Гнилой Корень». Пространственные плети, растут прямо из торфа. Если наступить — комбез не прожжет, но они сосут тепло тела за секунды. Замерзнешь в лед посреди теплого тумана. И еще... — старик понизил голос до шепота, косясь на закрытую дверь подвала. — Пепел Костромина на Свалке не просто так заговорил. Его фанаты из «Савана», которые выжили,

ушли на Большую Землю первыми. Их новый вожак — Глеб Костромин-младший, племянник Пепельника, которого зовут **Монах**. Он сидит как раз на элеваторе у Затвора. И он знает, что Сердце Зоны — у тебя.

Кирилл почувствовал, как контейнер с «Очагом Жизни» у его груди выдал короткую, теплую пульсацию. Физика артефакта на Большой Земле активировалась, реагируя на упоминание Святилища.

— Пусть ищут, Степаныч, — Кирилл застегнул куртку путейца до самого подбородка, проверил тактический ход ПЛ-15 в кобуре под полкой. — Саперная логика простая: кто встанет на пути к моей дочери — ляжет в этот пепел вторым слоем. Спасибо за шмотки. Я выдвигаюсь к Трем Соснам.

Он подхватил тяжелый холщовый мешок с пулеметом, забросил ранец на спину и твердым, размеренным шагом ходока вышел из подвала наружу — в оранжевое марево «Ржавого Тумана» Серой Зоны. Вторая глава его прорыва на Большой Земле выходила на новый, тактический рубеж, где враги были умнее, локации опаснее, а времени на спасение одиннадцатилетней Алинки оставалось всего одиннадцать часов.

ГЛАВА 3: РЖАВОЕ БОЛОТО

Оранжевое марево тумана висело над низиной приграничного леса плотной, неподвижной пеленой. Химическая взвесь, пахнувшая окислившимся железом и тухлым сероводородом, оседала на брезентовых штанах и синей куртке путейца. Ткань спецовки Степаныча мгновенно потемнела, напивавшись летучей влагой, но прочный брезент пока удерживал внутренний контур, не пропуская едкую сырость к термобелье.

Кирилл «Култ» Андреев двигался вдоль заброшенной мелиоративной канавы, согнувшись так низко, что холщовый мешок с тяжелым «Печенег» на его правом плече почти задевал верхушки пожухлой полыни. Саперная привычка заставляла его рассчитывать каждый шаг. Латунные гайки Сектора «Минус Два» на Большой Земле работали иначе: гравитационные ловушки здесь были редкими, зато биологические и химические капканы Серой Зоны маскировались идеально под обычную дикую природу.

Шаг — фиксация корпуса — проверка грунта длинным стальным щупом.

Острие щупа уходило в топкий, покрытый бурым мхом торф без сопротивления. Но на глубине тридцати сантиметров металл во что-то уперся — раздался тихий, неестественный хруст, похожий на скрежет ломающегося сухого пластика. Кирилл плавно замер, затаив дыхание. Наручный хронограф «Восток» под рукавом спецовки показывал шесть утра. До рассвета оставались считанные минуты, но туман скрадывал любой свет, превращая контуры мертвых сосен вокруг в уродливые, ломаные тени.

Он медленно опустил взгляд вниз, к основанию щупа. Из-под слоя мокрого торфа, потревоженного стальным острием, начали медленно, извиваясь выползать грязно-серые отростки, похожие на корни старого дерева. «Гнилой Корень». Новая аномальная формация приграничья. Пространственные плети, напивавшиеся грунтовыми водами Объекта Четырнадцать, не взрывались и не шипели. Они действовали по законам абсолютного термического нуля: как только отросток соприкасался с живой тканью или подошвой ботинка, он мгновенно, за секунды, высасывал всё тепло тела, превращая мышцы и кровь человека в монолитный кусок льда посреди теплого тумана.

«Степаныч не соврал, — Кирилл аккуратно, без резких движений, вытянул щуп вертикально вверх. — Ловушка активна. Корень мигрировал строго по руслу канавы. Придется забирать левее, на открытый склон холма, хоть там и велик риск поймать пеленг с беспилотников синдиката».

Он полез в правый карман куртки путейца, пальцами в тонких неопреновых перчатках нащупал небольшой, тяжелый предмет, завернутый в кусок старой ветоши. Это был кустарный артефакт «Сухой Свинец», который Степаныч выменял у черных копателей на Кордоне-2. Внешне он напоминал кусок обгорелого севого графита с пористой, ячеистой структурой. Кирилл сжал его в кулаке. Металл артефакта был ледяным, и от его пульсации в ушах Кирилла мгновенно раздался тонкий, сверлящий свист, перешедший в глухие слуховые галлюцинации — ему казалось, что где-то в тумане за его спиной мерно, с одинаковым интервалом бьет тяжелый саперный молот по стальной плите шлюза.

Тук... Тук... Тук...

«Экономика защиты, — Кирилл подавил подступающий к горлу зажим наводки, заставив себя сконцентрироваться на тактической реальности. — "Сухой Свинец" полностью экранирует тепловой контур моего тела от инфракрасных датчиков "Ворона". Для тепловизоров вертолетов и беспилотников я сейчас — просто холодное бревно, лежащее в грязи. Но за этот экран приходится платить собственными нервами. Зона берет налог за каждый метр Большой Земли».

Он перехватил холщовый мешок поудобнее, проверил, как сидит короткий СР-2МП «Вереск» на оперативном подвесе под левой полкой синей куртки. Пистолет-пулемет был снят с предохранителя, бронебойные девятки 7Н29 ждали своего часа в патроннике. АК-74Н Кирилл закрепил на спине под чехлом брезентового тента — длинный автомат путейца демаскировал бы его при встрече с первыми же гражданскими нелегалами поселка.

Кирилл начал подъем на склон холма, утопая по щиколотку в мокрой полыни. Оранжевые хлопья тумана здесь становились реже, уступая место обычному, серому рассветному небу Большой Земли.

Впереди, в полукилометре ниже по склону холма, из оранжевой хмари проступили контуры хутора «Три Сосны». Это было мрачное, заброшенное место: три гигантские, мутировавшие сосны с черными, лишенными хвои ветками высились над полуразрушенным зданием старого советского зернового элеватора. Массивная бетонная башня высотой метров в тридцать, покрытая бурыми потеками ржавчины и следами старых обстрелов, выглядела как средневековая тактическая цитадель Серой Зоны. Вокруг элеватора виднелось несколько деревянных изб с заколоченными окнами — лагерь черных копателей и база подпольной логистики **Майора Затвора**.

У ворот элеватора, сооруженных из перевернутого прицепа грузовика и листов профнастила, горело два крупных костра. Вокруг огня, в рассеянном свете рассвета, Кирилл заметил движение. Силуэты людей в серых, плотных капюшонах-саванах, перетянутых армейскими портупелями. Фанатики «Савана» из выжившего крыла Глеба Костромина-младшего — **Монаха** — уже закрепились на территории хутора. Они выстраивали свой оборонительный заслон, координируя действия со Стариком Затвором.

Кирилл плавно перехватил холщовый мешок с пулеметом, его пальцы левой руки привычно легли на рукоятку «Вереска» под курткой. Задача на Большой Земле требовала от него зайти внутрь этой цитадели без лишнего шума, обойти патрули Монаха и выйти напрямую к Затвору. Время на часах показывало шесть сорок пять утра. До финала его тактического лимита оставалось чуть больше десяти часов, и Сердце Зоны в его ранце продолжало мелко, требовательно пульсировать, подгоняя сапера вперед.

ГЛАВА 4: ХУТОР «ТРИ СОСНЫ»

Периметр хутора охранялся жестко. Сквозь редеющие нити «Ржавого Тумана» Кирилл видел, как двое часовых в серых капюшонах «Савана» медленно прохаживались вдоль забора из колючей проволоки. Автоматы они держали на ремнях, стволами вниз, но пальцы лежали на спусковых скобах. Настоящие псы Монаха. Кирилл проскользнул мимо них по дну сухой дренажной канавы, используя холщовый мешок с пулеметом как упор. На Большой Земле скрытность решала всё: «Сухой Свинец» в кармане куртки путейца продолжал леденить пальцы, полностью гася его тепловой силуэт, но слуховые галлюцинации уже давили на мозг монотонным подземным стуком.

Тук... Тук... Тук...

Он преодолел последние метры открытого грунта и скользнул в полуподвальное окно старого кирпичного здания весовой, примыкавшего к элеватору. Внутри пахло сушеной полыньей, ружейным маслом и махоркой.

— Назад не сдавай, ходок. Ствол в пол, — из темноты коридора раздался сухой, властный голос.

В проеме показался плотный мужчина лет пятидесяти в чистом камуфляже «цифра» без шевронов, но с майорскими погонами на плечах пухового жилета. **Старик Затвор**. Его правая рука уверенно лежала на рукоятке модернизированного пистолета Ярыгина, а левая удерживала тяжелый штанговый дозиметр.

— Свой, Майор. От Степаныча я, — Кирилл аккуратно опустил холщовый мешок на бетонный пол. — Культ. Мне нужны чистые документы с проводкой по базе Интерпола, фильтры и нормальный ствол. Степаныч сказал, у тебя есть выходы.

Затвор прищурился, замерил Кирилла прибором. Дозиметр выдал короткий, ленивый писк — фон был в норме. Майор плавно убрал пистолет в кобуру.

— Заходи в подсобку, сапер. Наслышан о твоих подвигах на Свалке. Полковник фон Штольц долго кровь из нас пил через своих наемников. Туда ему и дорога.

Они прошли в небольшую, чистую комнату, оборудованную под склад и штаб. В углу мерно гудел бензиновый генератор, давая ровный свет на массивный дубовый стол, заваленный картами приграничного района и коробками с армейскими сухпайками. На стеллажах ровными рядами лежало то, ради чего копатели со всей Серой Зоны шли к Затвору: новенькие фильтры к маскам, натовские бронежилеты и ящики с дефицитными патронами.

Кирилл тяжело опустился на деревянный стул, чувствуя, как его мышцы, забитые многочасовым маршем сквозь «Ржавое Болото», наконец начинают расслабляться. Синяя куртка путейца была мокрой, но здесь, в тепле подсобки, озноб постепенно отступал. Кирилл вытащил из ранца разбитый штабной планшет Миллера и выложил его на стол перед Майором.

— Здесь полные логи Южного контингента «Черного Креста», частоты заслонов «Вайс-Четыре» и шифры их каналов связи, — Кирилл посмотрел Затвору прямо в глаза. — Для твоей подпольной логистики это годовой бюджет безопасности. Давай считать баланс, Майор.

Затвор взял планшет, подключил его к своему терминалу. Его пальцы быстро забежали по клавиатуре, проверяя файлы. Через минуту лицо Майора посерьезнело, а на губах появилась довольная ухмылка старого снабженца.

— Контракт жирный, Культ. Обманывать не буду — за такую информацию я тебе не просто документы сделаю, я тебе зеленый коридор до самого приграничного Житомира обеспечу. Что конкретно из стволов интересует? Твой АК-74Н хорош, но на Большой Земле его грохот привлечет первый же патруль полиции.

— Мне нужен специальный автомат **АС «Вал»**, — отрезал Кирилл. — С интегрированным глушителем и оригинальным **оптическим прицелом ПСО-1-1**. Для Серой Зоны — идеальный инструмент. Работает тихо, бьет точно.

Затвор кивнул, поднялся и подошел к тяжелому стальному сейфу в углу. Металл шелкнул, и Майор бережно опустил на дубовый стол матово-черный, хищный автомат со сложным металлическим прикладом. Оружие было в идеальном состоянии, заводская смазка еще не успела потемнеть. Сверху Затвор аккуратно зафиксировал на боковой планке оригинальную советскую оптику с чистыми линзами.

— Держи, Культ. Спецпоставка со складов долгосрочного хранения. К нему даю **три цинка дефицитных патронов СП-6** — девять на тридцать девять миллиметров, с повышенной бронепробиваемостью. С пятидесяти метров они любой бронежилет наемников синдиката шьют как гнилую фанеру. Что по медикаментам?

— Давай три комплекта армейских индивидуальных аптечек, противорадиационные шприц-тюбики и **пять коробок свежих фильтров ФП-5** для моей маски, — Кирилл переложил пачки патронов в карманы куртки. — Старый фильтр после "Мясорубки" совсем сдох.

— Сделаем. И вот еще что... — Затвор хитро прищурился, полез в небольшой походный холодильник, запитанный от генератора, и достал оттуда тяжелую, запотевшую стеклянную бутылку с темно-коричневой жидкостью. На этикетке угадывались иностранные буквы элитного довоенного бренда. — Это тебе бонусом за Миллера. Редкое импортное пиво, контрабанда через Западный Периметр. Копатели за такую бутылку три дня землю носом роют. Передохни минут десять, Культ. Тебе силы понадобятся. Монах со своими фанатиками сейчас на верхнем ярусе элеватора совещание проводит, они ищут тебя по всем болотам.

Кирилл взял прохладное стекло в руку. С тихим шипением сорвал металлическую пробку саперным ножом и сделал долгий, затяжной глоток. Горьковатый, плотный вкус хмеля мгновенно смыл стойкий, приторный привкус расплавленного свинца и мазута, который преследовал его последние километры марша. Напряжение в плечах ослобло. Контейнер с «Очагом Жизни» у его груди выдал мягкую, почти убаюкивающую теплую волну пульсации.

Он сидел в тишине подземной подсобки, глядя на матовый ствол новенького «Вала», и чувствовал, как к нему возвращается та самая холодная, расчетливая ясность отца. Время на часах показывало семь сорок утра. Впереди был прорыв сквозь хутор, встреча с людьми Монаха и долгий путь к швейцарской клинике, где его ждала маленькая Алинка. И Кирилл Андреев был готов к этой финальной зачистке.

ГЛАВА 5: СЛЕПОЙ СЕКТОР

Холодное стекло пустой бутылки из-под импортного пива глухо звякнуло, коснувшись деревянной поверхности ящика. Десять минут тактического покоя истекли. Кирилл «Культ» Андреев плавно поднялся со стула, механическим движением расправляя жесткие плечевые лямки ранца. Мышцы спины, разогретые теплом подсобки и горячим цикорием Степаныча, больше не ныли, но внутренняя саперная настороженность требовала предельной концентрации.

Прямо перед ним на столе лежал матово-черный, монолитный АС «Вал». Кирилл взял автомат в руки, ощущая его приятную, сбалансированную тяжесть. Интегрированный глушитель, занимавший почти всю переднюю часть оружия, был холодным. Прицел ПСО-1-1 встал на боковую планку «ласточкин хвост» идеально, без малейшего люфта. Он трижды передернул затворную раму: ход был мягким, пружина УСМ работала с сухим, четким щелканьем. Это было спецназовское оружие Большой Земли с минимальными допусками, но здесь, в Серой Зоне, оно пока не подвергалось жесткому излучению Сектора «Ноль» и дышало идеальной заводской надежностью.

— Вот твоя путевка во внешний мир, сапер, — Старик Затвор протянул через стол плотный пластиковый пакет, запечатанный водонепроницаемой лентой. — Паспорт чистый, серия «АА», на имя Андрея Кульчицкого. В базу Интерпола я лично вбил чистый профиль через закрытый шлюз Минцифры. Пограничники на внешнем кольце Житомира увидят в тебе обычного инженера-мостовика, возвращающегося из командировки. Но помни: если «Ворон» объявит план перехвата по фотографии лица, электроника на вокзалах сработает за три секунды. Твоя единственная тактика — двигаться проселками.

Кирилл взял пакет, аккуратно засунул его во внутренний карман брезентовых штанов, под самый защитный слой.

— Понял, Затвор. Что с Монахом? Частоту его раций перехватил?

Майор хмуро кивнул, кивая головой на тяжелый армейский сканер связи на стене.

— Пасынки Костромина сидят на третьем ярусе, у зерновых бункеров. Монах рвет и метает, б..я. Ему по радиоканалу со Свалки слили, что Сердце Зоны ушло с Культом. Они уверены, что ты полезешь через старую лесопилку, и выставили там заслон с тяжелыми дробовиками. Но они не знают про южный пожарный выход из сушильного цеха. Там чисто, только оранжевый туман густеет. Уходи через него. Шаг в шаг. И автомат под полую держи, Серый поселок не любит, когда свежими стволами машут.

Кирилл перекинул тонкий ремень «Вала» через правое плечо, спрятав автомат под широкой синей курткой путейца. Оптический прицел ПСО-1-1 слегка выпирал под брезентом, но со стороны это казалось просто раздутым карманом разгрузки с патронами. Мешок с тяжелым пулеметом «Печенег» и коробками Б-32 он закрепил на левом боку с помощью капронового шнура — ноша была неудобной, резала бедро при ходьбе, но бросать тяжелый армейский калибр перед выходом на открытые рубежи было бы глупостью.

— Живи пока, Майор, — Кирилл пожал сухую, мозолистую руку Затвора.

— Удачи, Культ. Дочке твоей привет передавай... в Швейцарии, — глухо отозвался старик, гася тумблер генератора и погружая подсобку в привычный тактический полумрак.

Кирилл плавно скользнул в темный коридор сушильного цеха. Воздух здесь был пропитан запахом прелого зерна, старой солянки и известковой пыли. Через тридцать метров коридор уперся в тяжелую железную дверь пожарного выхода. Засов поддался без звука — Кирилл заранее смазал петли остатками технического сала Сивого.

Он приоткрыл створку на пару сантиметров. Снаружи Серый поселок «Кордон-2» тонул в плотных, душливых полосах «Ржавого Тумана». Оранжевая хмарь мигрировала со стороны

Периметра, оседая на деревянных заборах огородов жирными, влажными хлопьями. Видимость в этом секторе упала до пятнадцати метров. В ушах Кирилла снова раздался тот самый тонкий, сверлящий свист от работы кустарного артефакта «Сухой Свинец» в его правом кармане. Слуховые галлюцинации вернулись, и ему казалось, что где-то на верхних ярусах элеватора мерно, с одинаковым тактическим интервалом бьет тяжелый молот.

Тук... Тук... Тук...

Кирилл выждал десять секунд, сканируя сектор через механический прицел «Вала», а затем плавно перешагнул через порог, мгновенно растворяясь в оранжевой пелене. Подошвы его ботинок беззвучно вдавливались в мокрую, пожухлую полынь.

Он двигался вдоль полуразрушенной кирпичной стены элеватора, забирая строго на юг, в сторону старых очистных сооружений поселка, за которыми начинался чистый приграничный лес. До выхода из Серой Зоны оставалось не более двухсот метров через заброшенные огороды.

Внезапно из оранжевого тумана, прямо перед ним, на дистанции в десять метров, выросла фигура.

Это был молодой парень в сером плотном капюшоне «Савана», натянутом поверх старой армейской куртки. В его руках был укороченный автомат АКС-74У, ствол которого небрежно смотрел в землю. Фанатик шел со стороны лесопилки, на ходу лихорадочно крутя ручку настройки старой портативной радиостанции «Кенвуд».

— Слышь, Третий, я Девятый, — прохрипел парень в микрофон рации, не замечая замершего у стены Кирилла. — У сушильного цеха всё чисто, б..я. Туман оранжевый прет, ни х..ра не видно в тепловизор, приборы слепнут. Куда Монах приказал пулеметную точку переносить? Прием.

Парень сделал еще два шага вперед и замер. Его единственный правый глаз — левый был скрыт грязной марлевой повязкой — уловил неестественный силуэт синей куртки путейца всего в трех метрах от себя. В тумане Серой Зоны обычная рабочая спецовка выглядела мирно, но глухая маска противогаза «ППМ-88» на лице Кирилла и хищный ствол АС «Вал», мгновенно вынырнувший из-под полы куртки, не оставляли пространства для сомнений.

Глаз фанатика округлился от первобытного ужаса. Он инстинктивно дернул затворную раму своей «Ксюхи», пытаясь вскинуть автомат к плечу и открыть огонь на поражение.

Топ-топ.

Два коротких, почти слившихся воедино хлопка интегрированного глушителя «Вала». Звук выстрелов на дозвуковых патронах СП-6 калибра 9х39 мм напоминал тихие щелчки канцелярского степлера. В условиях плотного «Ржавого Тумана» и заунывного гула генератора этот шум умер в пяти метрах от точки контакта.

Тяжелые пули с повышенной бронепробиваемостью и выступающим стальным закаленным сердечником ушли строго по траектории. Первая пуля пробила мягкие ткани шеи фанатика, полностью перерубив сонную артерию и заблокировав голосовые связки. Вторая девятка вошла ему точно в центр груди, прошив плотное сукно капюшона и разнеся сердце. Боец Монаха даже не успел вскрикнуть. Его рация со слабым хрустом выпала из пальцев в рыжую траву, а сам он тяжело, кулем повалился набок, уткнувшись лицом в известковую жижу у основания кирпичной стены. Его «Ксюха» осталась лежать на его груди, так и не успев выдать ни единого ответного выстрела.

Кирилл мгновенно опустился на одно колено, контролируя сектор через оптический прицел ПСО-1-1. Вспышек дульного пламени не было, эхо от бесшумных выстрелов не вылетело наружу. В тумане воцарилась прежняя, звенящая тишина.

Он быстро подполз к убитому, левой рукой перехватив его радиостанцию, которая продолжала слабо шипеть в грязи. Журнал вызовов на экране прибора выдал активную частоту внутренней сети «Савана». Из динамика сквозь треск статики донесся холодный, спокойный голос самого Глеба Костромина-младшего:

— Девятый, почему молчишь, б..я? Что у сушилки? Доложи тактическую обстановку. «Ворон» передал, что его вертушки зафиксировали пеленг планшета Миллера в южном квадрате путей. Сапер где-то рядом. Отвечай, Девятый!

Кирилл плавно нажал кнопку выключения на боковой панели рации, полностью оборвав контур связи фанатиков. Экономика их координации была нарушена. Монах поймет, что Девятый обнулен, только минут через десять, когда патруль не выйдет на плановый развод. У Культа оставался крошечный, но вполне достаточный квант времени, чтобы пересечь границу Серого поселка и уйти под защиту приграничного леса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.